

РС.Ф.С.Р

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ

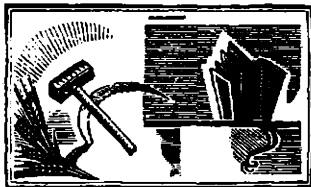
И

РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л

**ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ**

**А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.**

**КНИГА ВОСЬМАЯ
ДЕКАБРЬ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927**

из ряда вышеназванных работ. Удачнее и убедительнее их работа о «Мадригале Пушкина», особенно проводимым в ней любопытным, хотя и спорным, сближением этого умирающего жанра с пушкинской элегией.

Еще удачнее, однако, те статьи, в которых автор остается верен своим принципам до конца. Здесь, органически впитывая лучшие традиции русской эстетической критики, умело соединяя свой утонченный интеллектуализм с языковым мастерством подлинного художника слова, богатое знание материала со стройностью и последовательностью его разработки, Л. П. Гроссман дает ряд опытов, очень высоких по своему качеству. Литературные портреты Лескова и Ахматовой, литературно-философский этюд о «России Салтыкова», — вот наиболее выдержанные примеры такой художественной цельности и завершенности. Слабее несомненно явный отпечаток случайности небольшая заметка о «Достоевском и театрализации романа», представляющая собою скорее расширенный комментарий к одному из писем писателя, нежели самостоятельную разработку сформулированной в заглавии проблемы.

Немало интересных данных заключают объединенные в сборнике очерки мемуарного характера: о Леониде Андрееве, об А. Г. Достоевском, в которой в качестве давнего исследователя Достоевского неоднократно сталкивался автор, о В. И. Брюсове во время его последнего пребывания в Коктебеле — крымской даче Максимилиана Володина. Хорошую литературную характеристику М. О. Гершензона дает блестяще написанный некролог покойного литературоведа.

И. Сергиевский.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА. Сб. ст. под ред. А. Г. Цирса. Труды Гос. академии худ. наук. Философское отделение. Выпуск первый. Изд. ГАХН. М. 1927. Стр. 159. Тир. 1 000 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Направление в литературоведении, представленное этим сборником работ Кожицына по изучению проблем художественной формы при философском отделении ГАХН, правильнее всего было бы назвать (пользуясь в качестве па-

раллели уже установленным термином «логическая грамматика») «логической поэтикой».

Действительно: как логическая грамматика пытается, отвлекаясь от исторических конкретных оформлений языковых фактов, выявить лежащие в основе грамматических явлений общие логические законы, так «логическая поэтика» пытается «осветить в свете философских понятий специальный литературоведческий материал».

Главным предметом помещенных в сборнике статей, — за исключением первой статьи И. И. Жинкина, посвященной общим проблемам эстетики, — является пересмотр традиционного учения о тропах в духе учения о внутренних формах автора «Эстетических фрагментов», учениками и последователями которого и являются авторы разбираемого сборника. Таковы статьи «Выражение и изображение» М. А. Петровского, «Что такое метафора» Н. Н. Волкова и «Структура поэтического символа» А. П. Губера. Характерным для всех этих статей является — на ряду с резкой отповедью иррационализму — стремление логически «оправдать поэзию», установить отношение тех или иных наблюдаемых «внутренних форм» художественного слова (символа, аллегории, метафоры) к присущему им смыслу или смыслам, свести эстетическое к «игре со смыслами».

В этом протесте против «заумной» концепции поэзии, в философском подходе к проблемам художественной формы — бесспорно, заслуга «логической поэтики». Здесь находит себе место здоровое отрицание того незрелого психологизма, который грозил одно время превратить теоретическую поэтику так называемого «формализма» в ряд импрессионистических умствований по поводу произвольно надерганных из случайных произведений «приемов».

Но — как и логическая грамматика — «логическая поэтика» слишком подчеркивает, слишком выдвигает рациональный момент в художественном слове; достаточно указать, напр., на пренебрежение моментом экспрессии, которую один из авторов сборника (Н. И. Жинкин «Проблема эстетических форм») отождествляет с риторическими формами.

Поэтому-то — быть может, помимо воли авторов сборника — их статьи становятся апологией символизма в поэзии, подобно тому, как статьи «формалистов» явились в свое время апологией заумного футуризма.

Более серьезным недостатком «эпогической поэтики» является недостаточное внимание к конкретному оформлению обсуждаемых форм, к историческому их осмыслению и оправданию. Отсюда — склонность к абсолютным характеристикам и высказываниям; отсюда — что еще хуже — отрицание бесспорных исторических фактов (стр. 149 — впрочем, в этом отношении грешит лишь одна статья сборника). А между тем нетрудно примыслить возможный (а иногда и исторически осуществившийся) контекст, при котором приводимые, напр., на стр. 88—93, якобы абсолютно абсурдные тропы, становятся доступными эстетическому восприятию; разве не встречаются у Малковского на каждой строке метафоры типа: «выключатель скрипки»? и разве образ Тихонова: «обманами снега в горах» (образованный по типу «вращающийся пурпур») не оказывает эстетического воздействия? Очевидно, что для правильного разрешения проблемы художественного слова (как и для разрешения проблемы слова вообще) необходимо более тесное сотрудничество теоретических дисциплин с историческими.

Издали сборник небрежно: раздражающе действуют такие опечатки, как *Sachferhalt* (дважды — стр. 22, 26) «сенедекдох» (стр. 93), ошибки в пунктуации, иногда делающие совершенно непонятным смысл фразы. У издания Академии художественных наук хотелось бы видеть более удовлетворительную впечатность.

Р. Шор.

ПОЭТИКА. Сб. статей. Временник отдела словесных искусств Государственного института истории искусств. II. Изд. «Academia». Л. 1927. Стр. 120. Тир. 1 600 экз. Ц. 1 р. 50 к.

ТО ЖЕ. III. «Academia». Л. 1927. Стр. 188. Тир. 2 100 экз. Ц. 1 р. 80 к.

Внешне выдержанные в духе того «формализма», который еще так недавно

был предметом ожесточенных сторов сборники ГИИИ интересны прежде всего как последний этап огромной эволюции этого течения — от поверхностно-крикливых манифестов Олояза к серьезному филологическому исследованию.

Действительно: большую часть сборников занимают статьи по отдельным конкретным вопросам истории литературы, небольшие исследования по истории текста, литературным влияниям, истории критики ¹⁾. «Формальный» анализ выливается здесь в форму тех филологических *Vorstudien*, которые необходимо должны предшествовать всякому синтетическому построению и по существу не связаны ни с одной системой литературоведения. Ибо совершенно ясно, что история искажений фетовского текста или выпадов Белинского против Бенедиктова, что описание форм русской басни нач. XIX в. или французской мелодрамы могут быть в дальнейшем положены в основу весьма разнообразных синтезов — философского, психологического, культурно-исторического.

Поэтому-то таким пережитком звучат иногда еще встречающиеся в этих добросовестных филологических изысканиях положения «формалистического канона» — пресловутые фразы об отдалении соседящих литературных явлений и канонизации младших жанров, как принципах литературного развития ²⁾. Поэтому-то все чаще и чаще в разбираемых статьях появляются при объяснении излагаемых фактов понятия культурно-исторические, — все чаще упоминают они о среде, сознании современников, установке поэтического сло-

¹⁾ Наибольший интерес представляют статьи Б. Томашевского (Французская мелодрама начала XIX в.), Ю. Тынянова («Ода как ораторский жанр») и Г. Гукопского («Из истории русской оды XVIII в.»). Остальные работы являют во многом печать ученичества — таковы статьи Л. Гиенбург («Из литературной истории Бенедиктова»), Л. Виндт («Басня как литературный жанр»), Н. Суриной («Тютчев и Ламартина»), Н. Коллаковой («Из истории фетовского текста»).

²⁾ Ср., напр., II. 96-97; III. 102-103, 167.

ва¹⁾. И хотя привлечение внелитературных культурно-исторических данных пока еще скромно ютится в примечаниях²⁾, — все более становится ясным, что там, где речь идет о введении художественного слова в общий контекст эпохи, о его культурно-исторической интерпретации, вряд ли будет еще дальше возможно ограничиваться лишь сопоставлением поэтического произведения к «ближайшему внелитературному — речевому ряду».

Еще больше, чем конкретные историко-литературные изыскания, свидетельствуют об изживании старого формализма теоретические статьи сборника. Об усиленном внимании к синтетическим построениям в области литературоведения свидетельствует прекрасная статья В. М. Жирмунского, посвященная обзору «Новейших течений историко-литературной мысли в Германии». Один из интереснейших эпизодов в истории филологической поэтики — «Учение о символе в индийской поэтике» — освещает Б. Ларин в своем — правда, несколько упрощенном — изложении. Отказ от «лингвистического метода» в поэтике — основного метода «опоязовского» формализма — формулирован в не совсем четкой статье В. Виноградова («К построению теории поэтического языка»), тогда как очень интересная статья С. Бернштейна подводит новую основу под теорию декламации введением в нее понятия фонемы. Мало нового дают статьи С. Вышеславцевой («О моторных импульсах стиха»), К. Шимкевича («Роль уподобления в строении лирической темы») и А. Федорова («Проблема стихотворного перевода»).

В общем нельзя не признать, что в сборниках ГИИИ представлен серьезный филологический метод, изживший уже почти все недостатки старого «формализма» и нуждающийся лишь в дальнейшем теоретическом углублении.

Р. Шор.

Г. ВИНОКУР. Критика поэтического текста. Гос. академия худ. наук. История и теория искусств. Вып. десятый. Изд. ГАХН. М. 1927. Стр. 133. Тир. 3000 экз.
Ц. 1 р. 25 к.

В первоначальном своем виде рецензируемая книжка была подготовлена к печати полтора года назад, когда вопросы текстологии и эдичионной техники, почитавшиеся доселе делом чисто академическим, впервые были вынесены на широкое обсуждение. Таково значение выступлений Гофмана, Томашевского и др. К ним же примыкает по своему общему характеру и работа Винокура с ее во многих местах чисто декларативным тоном, с ее нарочито полемической заостренностью.

К сожалению, собственная линия автора не отличается ни особой четкостью, ни особой прязливой. Его исходные предпосылки грешат то чрезмерной общностью, то совершенно неприкрытой идеалистической гегелевского типа. Недаром он так часто и охотно ссылается в наиболее ответственных с философской точки зрения местах своей книжки на Шлейермахера, Августа Бека, столь тесно связанных в своей филологической работе с германской идеалистической философией. Только на основе такого рода традиций и могло возникнуть определение филологической критики, как «оценки выражения с целью раскрытия его содержания» или как «деятельности, направленной на раскрытие отношения между сообщаемым и внешними формами сообщения». А такие определения сами по себе ведут к тому чистому субъективизму, не бояться которого так настойчиво призывает автор.

Относительно малый интерес представляет и полемическая часть книги. В рассуждениях о гофмановских принципах (главным образом теории «воли поэта», как основного критерия установления канонического текста) автору не удалось прибавить чего-либо существенно нового к возражениям, в свое время выставленным против них Томашевским. В полемике с этим последним, по собственному своему признанию, автор излагает то же самое, что предполагает за его формулировкой; правда — якобы «с боль-

¹⁾ Ср., напр., II. 60, 84, 93; III. 128.

²⁾ Ср., напр., III. 85 прим.

ней последовательностью и логической точностью»; по такого рода комментариев целиком остается на совести автора.

Однако, за вычетом всего сказанного, необходимо признать, что книга Винокура содержит немало отдельных интересных замечаний: по различным частным вопросам трактуемой дисциплины, по уточнению отдельных научных понятий и т. д. Заслуживает внимания, напр., дифференциация понятий конъектуры, как одного из частных приемов прочтения чернивого текста и селекции текста, как отбора и систематизации различных вариантов и редакций. Зато далеко не бесспорным представляется проводимое автором строгое разграничение проблемы критики текста, в тесном смысле этого слова, и проблемы издания текста, и следующий отсюда отказ от сколько-нибудь внимательного анализа последней.

Более всего приходится быть благодарным автору за обильно и тщательно собранный им конкретный историко-литературный материал. Здесь безусловно положительным знаком необходимо отметить выход за пределы пушкинского материала, на основе которого до сих пор обычно ставились и разрешались самые разнообразные текстологические вопросы. Винокур иллюстрирует свои мысли, кроме примеров, заимствованных из истории пушкинского текста, примерами из Батюшкова, Боратынского, Лермонтова, Гоголя и др.

На этой конкретно описательной и методической части работы и следовало бы ему сосредоточить свое внимание, за счет соображений общепедагогического и общеметодологического порядка. Винокур — исследователь интересный, главным образом, своей проблематикой, новизной и оригинальностью самого материала изучения. Появившись его последняя книжка в положенное время, она выдерживала бы, в этом смысле, общий тон его других работ. Но теперь, когда текстология прочно вошла в цикл предметов университетского преподавания, систематическое руководство по основным ее вопросам было бы нужнее и актуальнее деклараций и полемики. Поэтому-то и интерес, представляющий «Критику! поэтического текста», носит в

значительной мере частичный характер и лежит не в тех пунктах работы, которые сам автор склонен, по видимому, считать центральными.

И. Сергиевский.

И. М. НУСИНОВ. Проблема исторического романа. В. Гюго и А. Франс. Гиз. М.—Л. 1927. Стр. 319. Тир. 2 000 экз. Ц. 3 р.

Вопрос об отношении исторического художественного произведения к исторической действительности, иначе говоря, вопрос о том, в какой мере такое произведение воспроизводит рисуемое им историческое прошлое, — вопрос важный как в отношении литературно-теоретическом, так и в отношении педагогическом. До сих пор упорно держится та точка зрения, что если не все, то по крайней мере «гениальные» поэтические произведения, написанные на исторические темы, могут быть прекрасным и важным пособием при изучении истории. Так, в частности, «93-й год» В. Гюго и «Боги жаждут» А. Франса в целом ряде «указателей художественной литературы» на социальные темы находятся в списках литературных произведений, по которым следует изучать Великую французскую революцию. Тов. А. В. Луначарский еще недавно бросил фразу, что А. Франс «в своем романе создал изумительную по внешней правдивости картину великой революции», пишет И. М. Нусинов в рецензируемой книге (стр. 305).

Уже года два-три тому назад на страницах «Печати и революции» по поводу одной хрестоматии мы предостерегали от такой наивной и вредной точки зрения на художественно-историческую литературу; наивной потому, что она показывает, насколько проводящие ее мало вдумывались в природу этого литературного вида; вредной потому, что при проведении такой точки зрения в преподавании история подменяется фантастикой. А так как такие указатели художественной литературы на исторические темы особенно пользуются успехом в наше время, то появление работы И. М. Нусинова «Проблема исторического романа» как нельзя более своевременно, и потому ее следует приветствовать.